

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ КРИТЕРИЕВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

© 2012 г. В. В. Сафонов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

В статье рассматривается методологическое обоснование использования синтетического алгоритма формирования критериев оценки развития региона, опирающегося на синтез эволюционного, ценологического подхода и теории пространственной экономики.

Ключевые слова: *региональная экономика; критерии и цели развития; самоорганизация; пространственная экономика; институты региональной экономики; динамика и морфология транспортных систем.*

In the article author discusses the methodological reasons for using a synthetic algorithm of criteria formation for region's development evaluation. The algorithm is based on the synthesis of evolutionary and cenological approaches, and spatial economics theory.

Key words: *regional economy; objectives and criteria of development; self-organization; spatial economics; regional economic institutions; transportation systems' dynamics and morphology.*

Общепризнано, что целеполагание и диагностирование являются важнейшими стадиями решения экономических проблем региональной социально-экономической системы (СЭС). Существенным фактором здесь выступает трудность определения требуемого состояния (идеального или желаемого) и — вектора его достижения. Таким образом, исследование динамики региональных СЭС предопределяет активную разработку инструментов формализации соответствующих критериев.

Экономической тенденцией последних лет, определяющих содержание государственной политики и особенности управления социально-экономическим развитием, является рост сознательного регулирования социально-экономических отношений, развитие социальной сферы и социальной политики; усиление значения рынка как способа самоорганизации; формирование социально-ориентированного устойчивого общества, обеспечивающего качественное воспроизводство человеческого потенциала [1, с. 42–43].

Проблемная исследовательская область в этой связи заключается в необходимости

разработки методов количественного определения целей регионального развития и путей инвестиционного вмешательства государства. Эта проблема усугубляется при рассмотрении отдельной республики, области, города, когда приходится учитывать неравномерность развития регионов, их специфику [2, с. 45].

В качестве обобщающих показателей, посредством которых можно оценивать и задавать уровни развития регионов в целом, современными экономистами предлагаются: уровень производства материальных благ; общий фонд потребления материальных благ и услуг в расчете на душу населения; количество свободного времени населения; сводный районный индекс производительности труда; степень занятости населения и обеспеченность трудовыми ресурсами для создания эффективного хозяйственного комплекса; жизненный уровень населения; доля расходов на питание в общих расходах населения; относительный коэффициент смертности; средняя продолжительность жизни населения и другие индексы [3].

В этом же ряду находятся показатели

«индекс устойчивого экономического благосостояния» ISEW [4] и «экологически регулируемый внутренний продукт» EDP [5]. Эти (и подобные им) отдельные агрегированные индексы вряд ли будут адекватны при использовании их в повседневной управленческой практике, так как они трудно применимы на региональном и местном уровне из-за неготовности данных; кроме того, эти индикаторы «недружественны к пользователю», т. е. они не могут быть легко понятны непрофессионалу. Агрегированные индексы могут адекватно отражать изменения в региональном развитии, но вряд ли будут эффективны в определении того, какие действия необходимы для стимулирования инновационной активности региона — поэтому на уровне региона требуется применение более «простых» показателей, которые могли бы использовать местные власти, чтобы воздействовать на социально-экономические процессы.

Другая группа показателей: свободного времени, доля расходов на питание, относительный коэффициент смертности, социальный индекс, показатель «статистической стоимости жизни», безусловно, характеризуют разницу в уровнях жизни, но имеют, в силу специфики, значительные прикладные ограничения [6].

В последние годы идет активный поиск новой социо-эколого-экономической парадигмы развития, которая на Всемирной конференции по окружающей среде и развитию, организованной ООН в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, определена как принцип устойчивого развития. В свете этих представлений, в качестве объекта устойчивого развития предлагается рассматривать регион как целостную социо-эколого-экономическую систему-ценоз, имеющей своим функционалом достижение динамической устойчивости.

В этой связи цели социо-эколого-экономической системы вступают в противоречия, в числе которых: противоречие между потреблением и накоплением (инвестициями) и противоречие между необходимостью сохранения ресурсов для будущих поколений и их использованием для целей производства и потребления. Согласование указанных противоречий лежит в компетенции государства и региональных органов управления, которые должны быть подкреплены адекватной

методологической и инструментальной поддержкой.

В качестве главной цели программы устойчивого развития региона целесообразно принять требование постоянного усовершенствования его структурного потенциала при условии стабилизации и последующего роста уровня социального развития региона. Предлагается использовать синтетический алгоритм, учитывающий единство структурных элементов систем, заключающийся в признании их эволюционности развития, что позволяет формировать непротиворечивые содержательные решения.

Гносеологически в основу предлагаемого подхода могла бы лечь теория пространственной экономики (spatial economics) — течение экономической мысли, активно развивающееся за рубежом, а с недавнего времени и в России [7].

Пространство (S) обычно понимается как совокупность условий жизнедеятельности людей, имеющих свое специфическое содержание, т. е. как «возделанная» среда этой деятельности [7, стр. 25], «сумма» ее обстоятельств, место, ситуация и обстановка осуществления. В связи с чем, в экономической науке доминирует ньютоновская трактовка пространства как «вместилища» объектов, и оно мыслится как «насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними» [8]. Но вместе с тем пространство само есть результат эволюции — экономической, технической социальной и т. д. [9].

С позиций экономической генетики [10] само пространство есть продукт (Q), поскольку после каждого акта действия оно меняется стихийно или целенаправленно — со стороны природы и общества. Пространство функционально зависит от создающих его трансформационных и трансакционных факторов — человеческого (A), технического (T), материального (M), институционального (Ins), организационного (O) и информационного (Inf): $S = Q = f(A, T, M, Ins, O, Inf)$, и как продукт взаимодействия факторов является и продуктом институции: $S = \gamma(Ins)$.

С этой точки зрения пространство рассматривается не просто как некая ограниченная территория, ценоз, но и как одна из неотъемлемых, базовых функций людей, закрепляемых за ними обществом, наряду с та-

кими институциями, как свойство и средство, родство и общество, качество и количество, производство и хозяйство и др. Самоорганизационные процессы в рассматриваемом пространстве обусловлены не столько конкурентными причинами, сколько сознательным выбором для достижения удобства и безопасности, сбалансированности и мобильности, экологичности и экономичности.

Институция пространства находится в динамичном поиске оптимального масштаба, т. е. количества своих акторов и агентов. Вопреки распространенному среди экономистов мнению [11], институции отнюдь не являются общественными благами (public goods), для которых характерно «несоперничество» (П. Самуэльсон) агентов или «неисключаемость из потребления» (Ч. Тибу) такого блага [12, с. 820–821]. Эта неисключаемость из потребления обусловлена тем, что институции выступают эндогенным фактором всякой человеческой деятельности. Однако между институциями существуют и конкуренция, и кооперация [13].

В указанных условиях методологически все более значимыми становятся «системо-генетический и институциональный аспекты исследования, так как экономическое пространство включает в себя определенные комбинации естественных, материальных, социальных и духовных производительных сил» [14, с. 62].

Институирование экономического пространства выражается в создании системы упорядочений и ограничений, санкций и компенсаций, позволяющей акторам эффективно осуществлять свои функции, как «производительные», так и «системообеспечивающие». Упорядоченность, возникающая при образовании, внедрении и распространении институций в условиях региона, инициирует и детерминирует его организацию и динамику.

Институциональное пространство имеет сложную структуру, меняясь по масштабам, содержанию и формам как между уровнями (вертикально), так и на каждом из них — горизонтально. Универсальной горизонтальной формой институирования пространства является зонирование, реализующееся на всех его уровнях (от мега- и до нано-).

Любые взаимодействия хозяйственных

субъектов базируются на учете сложившихся пространственных институций и ведут к выработке пространственных норм и правил, связанных с типизацией и регулированием пространственного аспекта человеческой деятельности. Среди них — нормы застройки и вырубки леса, правила дорожного движения и транспортировки огнеопасных грузов, пространственные нормы делового общения (объект изучения проксемики) и нормы жилплощади, нормы пространственной изоляции при производстве семенного материала и нормы, регламентирующие пространственные пределы военных действий и др. Пространственные институции, как и любые другие, недопустимо сводить к нормам и правилам, задающим социально допустимые пределы типичных и регулярно повторяемых действий, экстерналии (внешние эффекты) которых ощутимо влияют на жизненное пространство.

Пространственный аспект институциогенеза уместно связать с территориальным разделением труда, эволюционно происходящим между относительно обособленными экономическими системами. Любой единичный институциогенез начинается локально, с дифференциации отдельных действий и их интеграции в операции. Пройдя эволюционный отбор, такие операции обособливаются в качестве самостоятельных видов конкретного труда и «окаменевают в виде особых исключительных функций» [15] определенных субъектов, а затем распространяются и получают общественное признание, становясь новыми институциями.

Структурно-топологическая динамика объектов пространственной экономики проявляется, прежде всего, в процессах пространственной эволюции урбанизации и транспортных сетей. Указанные особенности в неявном виде вскрыты С. А. Тарховым, который сопоставил понятия «пространственное развитие» и «территориальное развитие». В первом случае подразумевается эволюция морфологии общественно-географических систем. Под территориальным же развитием понимаются чаще всего непространственные процессы изменения общественно-географических систем функционального характера. «Район или территория рассматривается в рамках этого подхода как нечто целое,

единое, чаще всего как некая элементарная ячейка — точка без какой-либо внутренней морфологии, а развитие этого целого — как некая траектория в общей шкале изменения функциональных параметров системы. Территориальное развитие отождествляется с линейной последовательностью изменений уровня социальной и экономической сложности объектов, расположенных на изучаемой территории. Другими словами, концепция территориального развития отвлекается от анализа эволюции пространственной морфологии систем, располагающихся на данной территории, тогда как концепция пространственного развития занимается исключительно таким анализом» [16].

Предполагается возможность существования синхронности в пространственной эволюции географических и экономических феноменов, где наиболее адекватным представляется исследование [17], сосредоточенное только лишь на пространственной составляющей процессов.

Синхронность в смене стадий эволюции географических, социальных и экономических феноменов: урбанизации, транспортных и энергетических сетей и систем центральных мест совпадает с периодами смены стадий пространственной эволюции урбанизации и транспортных и энергетических сетей, что обусловлено, в том числе, институциогенезом пространственной экономики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что принимая за основу парадигмальность институции пространственной экономики, можно утверждать о наличии практической возможности формирования целей управления на основе самоорганизационных критериев: ценологической устойчивости, показателей эволюции урбанизации и транспортных и энергетических сетей и характера общественного разделения труда.

Литература

1. Вардомский. Л. Г. Открытие российской экономики: региональное измерение. — М.: Изд-во ИМЭПИ РАН, 1997. — 144 с.
2. Алаев Э. Б. Эффективность комплексного развития экономического района. — М.: Наука, 1975. — 173 с.
3. Воронин А. Г. Муниципальное хозяй-

ство и управление; проблемы теории и практики. — М.: Финансы и статистика, 2002. — 176 с.

4. Уткин Э. А., Денисов А. Ф. Государственное и региональное управление. — М.: Изд-во ЭКМОС, 2002. — 320 с.

5. Федоров Н. В., Кураков Л. П. Прогнозирование социально-экономического развития регионов РФ. — М.: Пресс-сервис, 1998. — 688 с.

6. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. — М.: Прогресс, 1966. — С. 219.

7. Иншаков О. В. Институциональность экономического пространства в концепции пространственной экономики. / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов. // Культурология. XX век. — СПб., 1997. — С. 203.

8. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. — М., 2005. — С. 25.

9. Кудрин Б. И. Классика технических ценозов. Общая и прикладная ценология. // Ценологические исследования. Вып. 31. — Томск: ТГУ. Центр системных исследований, 2006. — 220 с.

10. Иншаков О. В. Эволюционная экономика и экономическая генетика. // Эволюционная теория, инновации и экономические изменения. VI Международный симп. по эволюционной экономике (23–24 сент. 2005 г.; г. Пушино). — М., 2005.

11. Хэмилтон Б. У. Гипотеза Тибу. // Экономическая теория. / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; науч. ред. чл.-корр. РАН В. С. Автономов. — М., 2004. — С. 820–821.

12. Кузьминов А. Н. Методология ценологического анализа социально-экономических систем. — Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2009. — 257 с.

13. Чекмарев В. В. Экономическое пространство как объект и предмет экономической науки. // Философия хозяйства. — 2000. — №3. — С. 62.

14. Сокулер З. А. Социальное и географическое пространство в концепции П. Бурдьё (научно-аналитический обзор). // Социальное пространство: междисциплинарные исследования. Реферат. сб. — М., 2003. — С. 25.

15. Иншаков О. В., Фролов Д. П. Место институционализма в экономической науке. // Экономист. — 2005. — №10.

16. Тархов С. А. Эволюционная морфология транспортных сетей. Методы анализа топологических закономерностей. — М.: ИГ АН СССР, 1989. — 221 с.

17. Валесян А. Л. Синхронность в пространственной эволюции систем расселения и транспортных сетей. Автореф. дисс. докт. геогр. наук. — М.: ИГ РАН, 1995. — 46 с.

Поступила в редакцию

18 мая 2012 г.

Виктор Валерьевич Сафонов — аспирант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Viktor Valerievich Safonov — postgraduate student at Rostov State University of Economy (RINKh).

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 227-16-12; e-mail: Victor.Safonov@bnk.ru